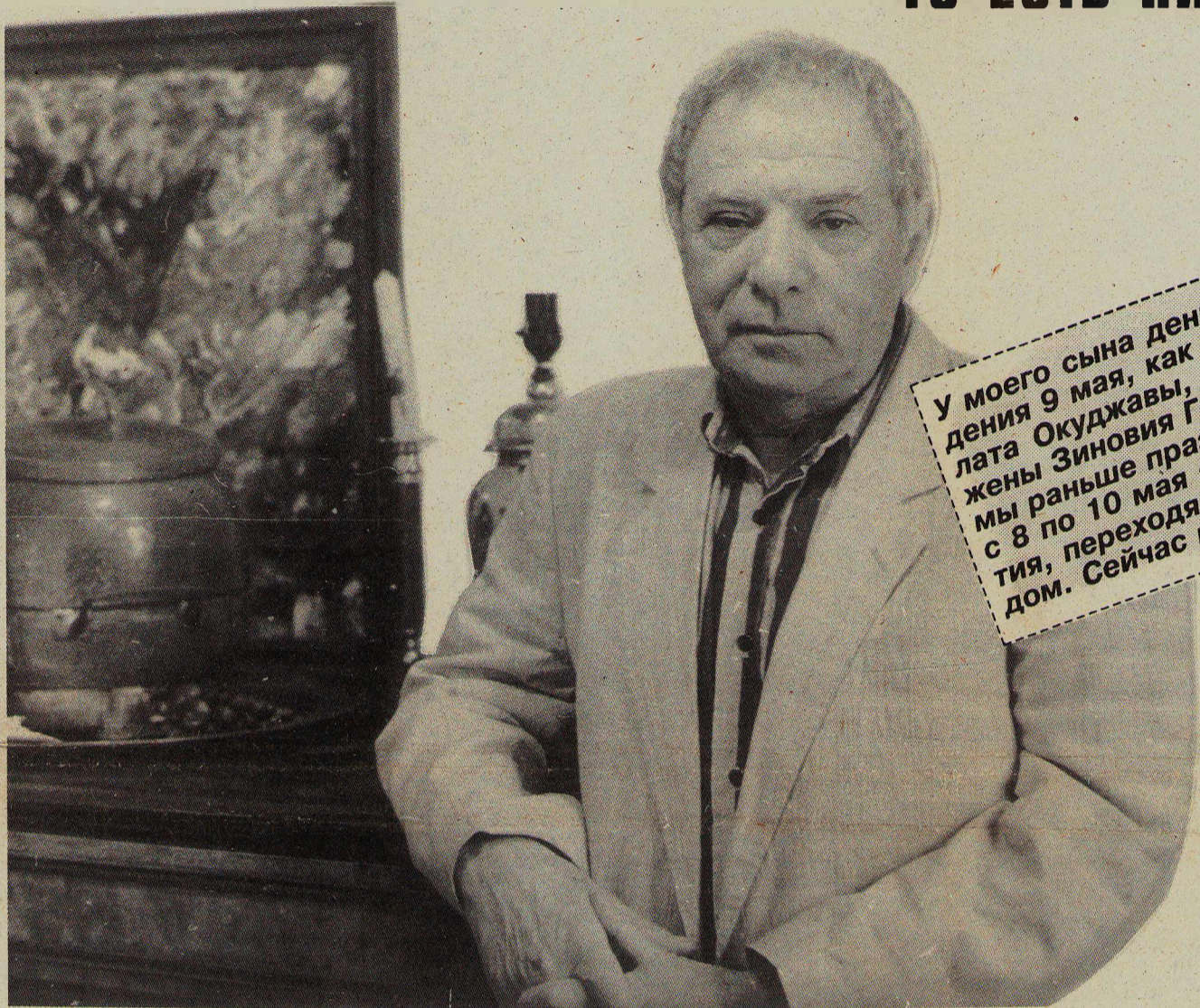

Семья Тодоровских — кинематографическая, как говорится, насквозь. Ни один фильм Тодоровского-старшего и Тодоровского-младшего не проходит незамеченным. С главой же семьи, режиссером поистине народным, Петром ТОДОРОВСКИМ заочно знакомы, пожалуй, все. Достаточно назвать такие его картины, как "Интердевочка", "Военно-полевой роман",

КИНО В ИНТЕРЕСНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

ТО ЕСТЬ ПИКОВОМ

У моего сына день рождения 9 мая, как и у Булата Окуджавы, как и у жены Зиновия Гердта. И мы раньше праздновали с 8 по 10 мая эти события, переходя из дома в дом. Сейчас не так...

"По главной улице с оркестром", "Анкор, еще анкор!"

— Своим творчеством вы, Петр Ефимович, вселяете веру в людей. А сами как умудряетесь жить, не отчаиваясь? У многих ведь земля ушла из-под ног.

— Я по натуре оптимист. Верю в то, что человек — это уникальное явление природы. На свете много добрых людей. Если вы помните мои прежние фильмы, то все они о порядочности и доброте.

Вспоминаю время, когда работал на Одесской киностудии. Ведь как было? Вы приносите хороший сценарий, к вам сразу же прикрепляют редактора, до того, как сценарий попадет в руки главного редактора и редакционной коллегии. Затем его читает директор студии. Потом сценарий посылается координатору Одесской киностудии в Киев. Дальше его читает сценарная коллегия Госкино Украины. Если на этой инстанции сценарий одобряется, его отправляют в Москву, куратору кино Украины. В таких условиях от хорошего сценария часто оставались жалкие воспоминания. Теперь, конечно, мы все немного вздохнули, обрели свободу.

Меня ругают за то, что в фильме "Анкор, еще анкор!" я будто бы оклеветал армию. Но в таких вот военных городках я прослужил довольно много. Прожил в общежитиях после войны десять лет: пять лет во вгиковском и пять — на Одесской киностудии. Казармы, углы — эту жизнь я хорошо знаю. А вот некоторые известные наши актеры, посмотрев мой последний фильм "Какая чудная игра", тоже обиделись, усмотрев самих себя в персонажах. Но ведь это собирательные образы. Многие придумано.

— Что-нибудь подобное с вашими фильмами прежде случалось?

— Нет. Моя первая картина "Верность" — о людях войны. Мотив

войны присутствует во многих моих фильмах, ведь это время юности нашего поколения. Война западает в душу на всю жизнь. Причем вспоминаются не какие-то страшные картины, смерть, кровь, а светлые минуты. Четыре года мы не просто убивали друг друга, это была жизнь. Была любовь, были радости. Мне ведь было всего девятнадцать лет, когда я попал на фронт. В 43-м учился в Саратовском военно-пехотном училище. На пятом месяце обучения, когда уже оставался месяц до выпуска, один взвод со всего училища — а учились три тысячи курсантов — послали пилить дрова на Волгу. Месяц мы пилили, а когда вернулись, оказалось, что все училище по тревоге отправили на Курскую дугу. Из тех ребят, ушедших на фронт, я больше ни одного человека не встречал.

— Ситуация в кино ныне сложилась критическая. Каким вам видится будущее поколения вашего сына?

— Положение пиковое. Мой Валерий с Юрием Коротковым написал хороший сценарий. Однако пришлось отложить его в сторону — не нашли денег. Сделали второй — "Страна слепых". Опять — поиск денег. Да и мой сценарий лежит в Роскино по тем же причинам. Теперь закончил в соавторстве со своим бывшим студентом другой сценарий — "Третья Мещанская 70 лет спустя". Это римейк знаменитого старого фильма Абрама Роома "Третья Мещанская". На Западе он шел с бешеным успехом. Замечательная человеческая история, которую мы перенесли в сегодняшние дни. Она, слава Богу, вне всякой политики. Жду денег. Руки чешутся, так хочется снять этот фильм. По слухам, сегодня только Э. Рязанову и В. Абдрашитову удалось получить деньги.

Верю в то, что так же, как страна наша воспрянет в случае продолже-

Век наивных слонов миновал

ния реформ, так и кинематограф. Счастье, что в кино пришло молодое поколение режиссеров: Хван, Хотиненко, Месхиев, Евстигнеев, Ливнев, Балабанов и другие. Мне трудно говорить о том, какое положение занимает мой сын. Единственное, что знаю точно, что он работоспособный. Слава Богу, не попал ни в какие дурные компании, стал серьезным человеком, отцом двоих детей. Моей внучке восемь месяцев, а внуку Пете в декабре исполнится двенадцать лет.

Мы, шестидесятники, заканчиваем жизнь в кинематографе. Ростоцкий, Кулиджанов, да и другие уже не снимают. Но самое печальное, что не снимают Климов, Панфилов, Смирнов — золотая обойма нашего кино. Им ведь нет еще и шестидесяти. Может, растерялись? Когда началась перестройка, многие не знали, что делать дальше. Новые времена стали колоссальным психологическим ударом для многих.

— Это ведь вы говорили о себе, будто вы вовсе не режиссер. Что имело в виду — отсутствие специального диплома?

— Я одним из первых пробивался в режиссуру, вернее, даже не пробивался особенно-то. Работал оператором на Одесской студии с замечательными режиссерами М.Хуциевым, Е.Ташковым. Потом они вернулись в Москву, и снимать кино дальше, мягко говоря, было особенно не с кем. Когда же Григорий

Поженян, написавший сценарий "Никогда", предложил поработать в новом качестве, я подумал: лучше, чем мучаться с серым режиссером, попробую сам. Это и стало моей попыткой вхождения в режиссуру, ведь режиссура — это даже не профессия, скорее наитие, догадка.

два сценария. Музыка сочиняется как-то сама собой, причем давно, просто никому ее не показывал. Впервые в "Военно-полевом романе" обнародовал свою песню. Напел, записал и во время съемок прокручивал актерам. И так к ней все привыкли, что стала она как бы действующим лицом, частью драматургии. Дальше пошло все само собой, последовали другие картины. И не потому, что я лучше композиторов сочиняю. Просто считаю, что музыка в фильме должна быть точной. Она рождается вместе со сценарием, зачастую помогает придумать эпизоды, сцены.

— Сюжеты тоже так же рождаются?

— Есть в Одессе потрясающей красоты место. Около оперного театра. Там назначаются свидания. А я любил сидеть и наблюдать за происходящим. Так придумалась история про голубей, живущих прямо в театре. Днем они с верхней точки наблюдают за людьми. Однажды им открылась история женщины, которая подкатывает к загсу, расфуфыренная, с дочкой и сумасшедшим дядей, а жених не явился.

Я снял на телевидении фильм "Своя земля" по повести Ф. Абрамова "Безотцовщина". Фильм терзали, резали, переозвучивали полтора года. Меня так намучили, что я решил больше не снимать серьезное кино. Вспомнил про своих голубей, рассказал об этом С. Бодрову и сделал фильм про любовь — "Любимая женщина механика Гаврилова". Картина пользовалась успехом не только у нас, но и в Америке, где собрала даже небольшие очереди у билетных касс.

— Петр Ефимович, а вы сохраняете верность актерам, поддерживаете отношения с людьми, работавшими с вами?

— Конечно. Елена Яковлева снялась у меня в трех фильмах: "Интердевочка", "Анкор, еще анкор!", "Какая чудная игра". Это блистательная актриса. Мне с ней легко. Если есть хоть малейшее попадание ее индивидуальности в тот или иной образ в моем представлении в новой картине, я ее обязательно приглашу. Или, скажем, Всеволод Шиловский. Для меня он как талисман. Конечно, каждый новый сценарий ставит новые задачи. Сейчас мне нужны два прекрасных молодых актера и феерическая молодая актриса. Где их взять? Я молодых особенно не знаю. А вот тесного общения даже с самыми близкими людьми не по-

можно обучить профессиональным навыкам, тому, как снимать. А вот точно знать, что ты хочешь сказать людям, как передать актерам свое видение, создать определенную атмосферу, аромат времени — эти вещи даются свыше.

Но вернемся к молодым. Это совсем иные люди. Свободные духом, нафаршированные информацией. Они знают, чего хотят. У них есть хватка. В какой-то мере они материалисты. Мы никогда не думали, чтобы чего-то там заработать, были идеалистами, наивными слонами. Лишь бы снять фильм, а то, что живешь в общежитии, сидишь на сухом мятке и получаешь в результате язву желудка, было неважно. Во время съемок картины "Два Федора" — а я был тогда оператором — месяц жили в эшелоне, в теплушках, без нормальной еды. Они же, молодые, хотя хорошо жить, работают в человеческих условиях. И это правильно.

— Зато теперь снимай что хочешь, были бы средства. И снимают.

— За деньги можно найти технику, пленку. Вот только хороший актер все-таки вряд ли согласится на работу с плохим режиссером, он откажется от плохого сценария.

— А чем вы занимаетесь в моменты вынужденного простоя?

— Пишу и играю на гитаре. Вот и теперь второй год уже сижу без работы, не снимаю. Правда, написал

чается. Все мы слишком занятые, а Москва — город, который разъединяет... У моего сына день рождения 9 мая, как и у Булата Окуджавы, как и у жены Зиновия Гердта. И мы раньше праздновали с 8 по 10 мая эти события, переходя из дома в дом. Сейчас не так...

— И все-таки, Петр Ефимович, жизнь ваша проходила весело, бурно или это была одна сплошная работа?

— Я — режиссер поздний и человек поздний. Женился и то поздно. В первый раз в тридцать пять лет. Много выпало страданий, но все-таки прожил веселую жизнь. И сам был веселым, с юмором не расставался и до сих пор стараюсь сохранить это чувство, хотя не всегда удается. Я ни о чем не жалею. Считаю, что прожил удачно. Работал с интересными людьми. А ведь, как говорится, с кем поведешься — от того и наберешься. И набирался. И сам выворачивался наизнанку в работе.

У меня замечательная семья: жена, сын, невестка и внуки. Не на что жаловаться. Вообще жаловаться на жизнь глупо. Вы только посмотрите на молодую листву, облака. Это ведь так прекрасно. Просто мы иной раз ничего этого не замечаем.

Беседу вела Светлана ХОХРЯКОВА.
Фото Андрея СТЕПАНОВА.